

**«УРА! ГОРОДУ ДИЖОНУ», ИЛИ ПЯТЬ ДНЕЙ В
БУРГУНДИИ
(о короткой поездке Ивана Тургенева и Льва Толстого
весной 1857 года)**

А.А. Кара-Мурза

Аннотация. Предметом авторского исследования являются обстоятельства совместной поездки И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого из Парижа в провинциальный французский город Дижон в марте 1857 г. «Дижонский эпизод» оказался плодотворным для обоих писателей. В столице Бургундии Толстой окончил, наконец, повесть «Пропавший» (в окончательной редакции – «Альберт»), которую обдумывал и переделывал в течение нескольких месяцев. Тургенев завершил в Дижоне очередной «охотничий» рассказ («День второй») из цикла «поездки в Полесье», где наметил контуры принципиально нового подхода к описанию кризисных явлений в русской деревенской жизни. Методом исследования явилось «философско-литературное краеведение», когда интеллектуальные произведения изучаются как продукт культурно-географического и бытового контекста, в котором находятся авторы. В статье представлены новые материалы о пребывании Тургенева и Толстого в Дижоне, о сложных взаимоотношениях двух корифеев русской литературы. По мнению автора, поездка в Дижон стала прямым прологом для «бегства» Толстого в апреле 1857 г. из Парижа к берегам Женевского озера – в родные места Ж.-Ж. Руссо; и поездок Тургенева в Англию, Германию и Италию, определивших новый этап в его творчестве.

Ключевые слова: литературоведение, философия, Тургенев, Лев Толстой, Франция, Дижон, русская литература, Руссо, Дижонская академия, путешествие

DOI: 10.7256/2454-0749.2017.1.22119

Дата направления в редакцию: 25-02-2017

Дата публикации: 20-04-2017

Abstract. The matter of the author's research is the circumstances of the travel conducted by Ivan Turgenev and Lev Tolstoy from Paris to a French provincial town Dijon in March 1857. 'Dijon's episode' was an inspiring trip for both writers. In the capital of Burgundy Tolstoy completed his novel 'The Lost Man' (or 'Albert' in the final version), the novel he had been working on for several months. Turgenev also finished one of his 'hunters' stories' ('The Second Day') from his series 'trips to Polesye' in which he

outlined contours of a fundamentally different approach to describing crisis phenomena in the Russian village life. The research method used by the author was the 'philosophical and literary local studies' studying intellectual writings in terms of the cultural, geographical and extralinguistic environments of the authors. In this research Kara-Murza presents new materials about the staying of Turgenev and Tolstoy in Dijon and friendship of those two great figures in the Russian literature. According to the author of the article, the trip to Dijon was a direct prologue of Turgenev's 'escape' from Paris to the Lake of Geneva, the homeland of Russo, in April 1857 as well as Turgenev's trips to England, Germany and Italy which in their turn defined a new stage of his creative writing.

Keywords: travel, Academy of Dijon, Russo, Russian literature, Dijon, France, Lev Tolstoy, Turgenev, philosophy, literary studies

Х Х Х

Эта короткая история, занявшая всего пять дней, случилась 160 лет назад, весной 1857-го года. 10 марта (по «новому стилю», т.е. согласно принятому в Европе григорианскому календарю) живший тогда во Франции тридцатидевятилетний Иван Сергеевич Тургенев написал своему петербургскому приятелю, литератору П.В. Анненкову: «Вы, я полагаю, еще не настолько забыли географию, изученную Вами в нежном возрасте, любезный Анненков, чтобы забыть, что есть на свете и даже во Франции город Дижон, бывшая столица Бургундского герцогства...» [\[7, с. 100\]](#).

Предваряя естественный вопрос о причинах столь неожиданной поездки («почему я нахожусь в Дижоне – это, я воображаю, для Вас должно быть совершенно непонятно...»), Тургенев разъясняет: «А дело очень простое: пузырь мой так меня мучил в Париже, что мне присоветовали попробовать перемену воздуха; я вот и выехал в Дижон, а Дижон я выбрал собственно потому, что Виардо (Анри Виардо, муж Полины Виардо. – А.К.) дал мне рекомендательные письма к своим здешним знакомым. Я их еще не представил – но уже влияние воздуха ощутительно. Со дня приезда (т.е. со вчерашнего дня) пузырь мой меня не тревожит – и меня, хотя издали, можно опять принять за человека» [\[7, с. 100\]](#).

Далее из письма выясняется еще одно примечательное обстоятельство: «Вообразите себе, что я здесь не один. Со мной поехал Толстой, который обрадовался случаю уединиться, чтобы привести к окончанию начатую им большую повесть... Он работает усердно, и страницы исписываются за страницами. Я радуюсь, глядя на его деятельность» [\[7, с. 100\]](#). Действительно, именно в Дижоне двадцатидевятилетний Лев Николаевич Толстой окончил первую редакцию своей повести «Пропавший»; в окончательном варианте она получит название «Альберт» и будет опубликована в августовской книжке «Современника» за 1858 г. [\[9\]](#).

Что касается Тургенева, то сам он окончил в Дижоне и отослал в Петербург давно обещанный рассказ «День второй» (из цикла «Поездка в Полесье»), который А.Г. Дружинин опубликовал в своем журнале

«Библиотека для чтения».

Следует признать, что уже тот факт, что два будущих корифея отечественной литературы – Тургенев и Толстой, – отъехав на пять дней на триста с небольшим километров от шумного Парижа, закончили в провинциальном бургундском городке по целому произведению, заслуживает того, чтобы историки культуры внимательнее отнеслись к весенней поездке двух литераторов. Ведь не просто так, в конце концов, Тургенев, чудесным образом получивший в Дижоне облегчение от застарелой болезни, провозгласил в письме к Анненкову здравицу в честь столицы Бургундии: «Со всем тем, как патриот Горяинов кричал: Ура! тамбовским дамам, – так и я кричу: Ура! Дижону за освобождение меня от пузыря!» [\[7, с. 101\]](#).

Х Х Х

Причиной совместной поездки Ивана Тургенева и Льва Толстого в начале марта 1857 г. в Дижон исследователи обычно называют необходимость консультаций Тургенева с местными врачами, а Толстого называют скорее *сопровождающим*, поехавшим в Дижон якобы за *компанию*. По нашему мнению, дело обстояло иным образом.

Толстой приехал в Париж 21 февраля 1857 г. – это было его первое путешествие за границу. По дороге – и в почтовом дилижансе, и в поезде – он быстро набрасывал задуманный в России рассказ «Пропавший» («Альберт»), который, как писал потом Толстой В.П. Боткину, «в продолжение дороги так вырос, что уже кажется не по силам» [\[3, с. 159\]](#). Однако расчет быстро окончить «Пропавшего» в Париже, чтобы поспеть к апрельскому номеру «Современника», не оправдался, о чем свидетельствуют записи в дневнике: «написал только один листок»; «чуть-чуть и плохо пописал»; «написал страницу» и т.д. [\[1, с. 180\]](#).

О планах Тургенева ехать в Дижон Толстой узнал, скорее всего, случайно. Однако он более чем серьезно воспринял возможность съездить вместе именно в Дижон – бургундский город, с которым прочно связано имя Жан-Жака Руссо – кумира Толстого на протяжении всей его жизни. Как известно, Руссо в свое время дважды принял участие в литературных конкурсах, объявленных Дижонской академией в 1750 и 1754 гг. В первом из них сочинение Руссо «Рассуждения о науках и искусствах» получило главную премию и впервые прославило его имя. Обрело европейскую известность и другое сочинение Руссо, на дижонском конкурсе 1754 г., – «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми». Итак, возможность побывать в Дижоне и прикоснуться таким способом к священному для него имени Ж.-Ж. Руссо увиделась Толстому воодушевляющим стимулом для собственного творчества.

Рано утром 9 марта 1857 г. Тургенев, живший тогда в Париже рядом с церковью Мадлен по адресу: rue des Arcades, 11, заехал за Толстым в пансион на rue Rivoli, 206, напротив сада Тюильри. Вместе они отправились на «Лионскую платформу» (собственно Gare de Lyon будет открыт только в 1860 г.) на том же правом берегу Сены и ровно в 8 часов утра выехали лионским поездом в Дижон. Дорогой играли в карты. Из запоминающихся мест Толстой отметил в дневнике чудесный

лес вокруг императорской резиденции Фонтенбло – сюда он потом приедет специально, буквально на второй день после возвращения в Париж.

В Дижоне Тургенев и Толстой поселились в двухместном номере отеля «La Cloche» («Колокол») на центральной rue Liberte (улице Свободы), совсем рядом с Porte Guillaume. Эта старейшая гостиница города, существующая с XV в., видела среди своих постояльцев таких знаменитостей, как русский цесаревич Павел Петрович (будущий император Павел I), король бельгийцев Леопольд I, маршал Ней, Альфонс Ламартин и др. А совсем незадолго до Тургенева и Толстого, в июне 1856 г., в «Колоколе» на одну ночь останавливался французский император Наполеон III, направлявшийся в Лион во время борьбы с последствиями наводнения из-за небывалого разлива Роны. (В начале 1880-х «Колоколу» стало тесно на узкой улице Свободы, и он переехал в новое шикарное здание за воротами Porte Guillaume на Place Darcy. С тех пор гостиница приумножила свою репутацию одного из самых изысканных отелей Франции. Вот лишь краткий перечень его новых звездных гостей: Камиль Сен-Санс, Огюст Роден, король бельгийцев Альберт I, принцесса Грейс из Монако, Морис Шевалье, Жан Маре, Луи де Фюнес, Бурвиль, Шарль Азнавур и многие другие.)

Сразу после размещения литераторы ходили, как полагается, в баню. Фешенебельная услуга для состоятельных постояльцев скорее раздражила привыкшего к спартанской жизни Толстого. Вечером он записал в дневнике: «Пошел в баню – мерзость. Несмотря на этот комфорт, пропасть своего рода лишений для нашего брата русского...» [\[4, с. 181\]](#).

Из письма Тургенева Анненкову можно узнать, что в гостиничном номере было очень холодно, что необычно для Бургундии в первой декаде марта: «жесточайший холод, царствующий в комнате гостиницы, в которой мы остановились, заставляющий нас сидеть не близ камина, но в самом камине, на самом пылу огня...» [\[7, с. 100\]](#).

Намерение Толстого в первый же вечер наброситься на неоконченную повесть не имело успеха: «Дижон. 9 марта. Писал и плохо и хорошо. Больше первое. Слишком смело и небрежно» [\[4, с. 181\]](#). Возможно, присутствие рядом Тургенева смущало Толстого. Это началось еще в поезде: «Он добр и слаб ужасно»; «Тургенев ни во что не верит, вот его беда, не любит, а любит любить» [\[4, с. 181\]](#). А вот запись о первом вечере в номере дижонской гостиницы: «Я с ним смотрю за собой. Полезно. Хотя чуть-чуть вредно чувствовать всегда на себе взгляд чужой и острый, свой деятельнее» [\[4, с. 181\]](#).

Зато на следующий день, начавшийся у Толстого, как всегда, с интенсивной гимнастики, все задалось с самого утра: «Дижон, 10 марта. Спал отлично. Утром написал главу славно» [\[4, с. 181–182\]](#).

Из коротких записей в толстовском дневнике мы знаем некоторые подробности того дижонского дня – 10 марта 1857 г., ставшего для обоих литераторов удачным в творческом отношении: «Ходил с Тургеневым по церквям. Обедал. В кафе играл в шахматы... Театр Etoile du Nord» [\[4, с. 182\]](#). И сразу далее в дневнике – загадочное слово «Sakinkers», не расшифрованное пока никем из комментаторов

Толстого и помеченное во всех изданиях его сочинений знаком вопроса.

Попытаемся, однако, вникнуть в беглые толстовские заметки о тех пяти днях в Дижоне. Удивительно, но для этого придется иногда прибегать к не менее скудным позднейшим записям. Так, 16 марта, т.е. на второй день после возвращения из Дижона в Париж, Толстой отметил в дневнике, что с утра он ездил в Дом инвалидов (Hotel des Invalides) смотреть могилу Наполеона Бонапарта («обоготворение злодея ужасно»); затем отправился в Фонтенбло – место, где Наполеон отрекся от престола и попрощался с верной ему гвардией. А между этими двумя визитами – совсем короткая запись: «Notre dame. Дижонская лучше» [\[4. с. 1821\]](#), что дает нам ключ к расшифровке дневникового фрагмента недельной давности о «хождении» с Тургеневым по дижонским церквам.

Становится ясным, что 10 марта 1857 г. Толстой и Тургенев прошли от отеля «Ля Клош» к центру Дижона по рю Либерте и осмотрели Нотр-Дам – готический собор, возведенный в столице Бургундии в XIII в. во славу Девы Марии. Что могло тогда привлечь их внимание?

Знаменитых «горгулий» (химер), в три ряда украшающих сегодня ажурно-резной фасад дижонского Нотр-Дам, в 1857 г. не было: из-за частичного обрушения они были сняты еще в Средневековье и восстановлены лишь в начале 1880-х гг. (Согласно местной легенде, в 1240 г. одна из «горгулий», выполнявшая роль водостока, упала вниз и убила жениха на свадебной процессии – после этого все остальные фигуры, по требованию граждан, были сняты с фасада. Поскольку несчастный жених, согласно, той же легенде, оказался по профессии ростовщиком, вся эта история обрела еще и назидательный характер.) Зато, как и сейчас, красовался на часовой башенке «Жакмар» – заводная фигурка из бронзы, отбивающая молоточком время, снятая в качестве военного трофея бургундским герцогом Филиппом Смелым в 1382 г. с колокольни фландрского городка Куртре. Правда, и в этом случае то, что видели Толстой и Тургенев 160 лет назад, не вполне совпадает с сегодняшней картиной. В семнадцатом веке механический «Жакмар», по решению полюбивших его дижонцев, обрел пару – «супругу Жаклин». А в первой половине XVIII в. у них появился «сын Жаклине» – эту дружную троицу, задающую ритм жизни Дижона, и могли видеть наши герои на крыше Нотр-Дам весной 1857 г. Четвертая фигурка – «дочь Жаклине» – будет установлена только в 1884 г.

Не могли не обратить внимания русские литераторы и на еще один символ Дижона – маленькую каменную сову (La Chouette) в нише северного фасада Нотр-Дам. Согласно поверью, к сове надо прикоснуться и чуть погладить левой рукой (она ближе к сердцу) – и тогда исполнятся самые заветные желания. Можно только догадываться, что загадали тогда Толстой и Тургенев, но фактом остается то, что поздним вечером того дня литературное вдохновение посетило обоих – и каждый окончил в натопленной комнате отеля «Ля Клош» по литературному произведению.

Мы не знаем наверняка, какие еще из многочисленных храмов Дижона имел в виду Толстой, записавший в дневнике о «хождении с

Тургеневым по церквам». Но невозможно себе представить, чтобы они не зашли тогда в Кафедральный собор Св. Бенигна (St.-Benigne), находящийся в каких-нибудь двухстах метрах прямо перед старым отелем «Колокол»; его громада отлично просматривалась из окон гостиничного номера. Собор был возведен в XIV в. над тем местом, где был похоронен раннехристианский мученик Бенигн Дижонский, святой покровитель города. В крипте Собора до сих пор хранится часть его мощей, а также находится могила знаменитого герцога Бургундии Филиппа III Доброго.

...Нельзя обойти вниманием и, так сказать, *гастрономическо-винный* аспект пребывания Тургенева и Толстого в Дижоне. Тем более что сам Тургенев, например, откровенно хвалился Анненкову в своем письме от 10 марта: «Мы здесь находимся в Бургундии, в самом центре бургундских виноградников! – А? Что скажете, почтеннейший? Если бы Вы были с нами, то-то мы нализывались. Здесь мы пьем "Nuit" в 5 франков за бутылку, которое и за 3 целковых в Петербурге не достанешь» [7, с. 100]. Действительно, красные бургундские вина из винограда сорта «пино нуар», собранного в районе городка Nuits-St.-George чуть южнее Дижона, – и по сию пору считаются одними из лучших в мире.

Что касается местной гастрономии, то здесь Тургенев ограничивается в письме краткой, но весьма емкой фразой: «Едим мы тоже сильно...» [7, с. 100]. Не будет риском предположить, что, «нализываясь» бургундским красным, два русских гурмана параллельно перепробовали в Дижоне все традиционные блюда, среди которых вот уже несколько столетий выделяется трио: говядина по-бургундски, петух в красном вине и виноградные улитки.

«Говядина по-бургундски» (Bœuf bourguignon) несколько часов тушится в красном вине и заправляется мукой, луком, морковью, салом, чесноком и грибами. «Coq au vin» – блюдо, популярное во многих регионах Франции, однако именно в Бургундии, на своей родине, петух, тушенный в красном вине Шамбертен, особенно нежен. Что касается «Escargot de Bourgogne», то виноградные улитки в Бургундии традиционно готовятся со сливочным маслом, петрушкой и чесноком и подаются в собственных раковинах со специальными, придуманными именно в Бургундии, приборами для извлечения и поедания.

Случились в Дижоне и бесспорные гастрономические откровения. «Открылся здесь сыр по прозванию fromage des Riceys, – писал Тургенев Анненкову. – Сами боги не едали ничего подобного!» [7, с. 100]. Ошибутся те, кто предположит, что речь опять идет о бургундском продукте. Мягкие сыры Riceys, которые так хвалил Тургенев, – из частично обезжиренного коровьего молока, в традиционной оболочке из плесени, присыпанной золой, – поставляют в Дижон из одноименной коммуны Riceys, что на самом юге соседнего с Бургундией региона Шампань.

...В удачный для двух литераторов день 10 марта произошло, однако, событие, расстроившее их обоих, в первую очередь, Тургенева. Заезжая труппа из Нанта давала в Дижонском театре комическую оперу Дж. Мейербера «Étoile du Nord» («Северная звезда»). Воспитанный на

оперной классике Россини, Беллини, Доницетти, Тургенев был, как известно, большим знатоком и страстным поклонником оперного искусства. Любил он и музыку Джакомо Мейербера. Еще в начале 1850 г. Тургенев отправил из Парижа А.А. Краевскому, редактору и издателю «Отечественных записок», большую рецензию на постановку мейерберовской оперы «Пророк», которая тогда представлялась в Париже в сороковой раз (сам Тургенев, по его признанию, слушал «Пророка» раз десять) [6, с. 455–459].

«Конечно, – писал тогда Тургенев, – довольно значительную часть этого успеха должно приписать прекрасному исполнению, великолепной постановке, множеству иностранцев и провинциалов, наехавших в Париж, но и сама музыка "Пророка" вполне оправдывает энтузиазм публики. Она достойна творца "Роберта" и "Гугенотов" (более ранних опер Мейербера – А.К.)». Тургенев признавал, что «в искусстве двигать целые громады музыки (если можно так выразиться) на сцене и в оркестре, никто не может сравниться с Мейербером» [6, с. 455–456].

Конечно, восхищение Тургеньевым парижской постановкой «Пророка» во многом определялось тем, что заглавную партию Фидэс пела Полина Виардо: «Арию Фидэс "Ah, mon fils!" многие почитают перлом всей оперы: действительно, нельзя себе представить ничего более трогательного при всей простоте мелодии... Должно тоже сознаться, что Виардо удивительно поет эту арию... Что касается до актеров, то первое место, бесспорно, принадлежит Виардо...» [4, с. 458–459].

Хорошо была знакома Тургеньеву и новая опера Дж. Мейербера «Étoile du Nord», впервые поставленная в 1854 г. в Париже труппой «Опера-комик». Автором либретто снова выступил Эжен Скриб, продолживший в «Северной звезде» традиции немецкого «зингшпиля», но в этот раз, очевидно, превысивший норму допустимых фантазий.

Суть сумбурного действия такова. Петр Первый находится инкогнито в Финляндии в местечке близ Выборга на берегу Финского залива. Под видом простого плотника Петра Михайлова он покупает у местного пекаря Даниловича (читай: Меншикова) пирожки. Другие работники предлагают выпить за здоровье шведского короля Карла, но Данилович отказывается, чем вызывает симпатии Петра. Они становятся друзьями. Одновременно Петр ухаживает за маркитанткой Катериной и, чтобы почаще быть рядом с ней, берет уроки игры на флейте у ее брата Георгия Скавронского. Пришедшие в местечко русские казаки забирают Георгия в армию, и, чтобы спасти его, Катерина переодевается в мужское платье и поступает на военную службу вместо брата. В русской армии она узнает, что там назревает бунт против царя, отошедшего от старомосковских традиций. В результате нелепых обстоятельств Катерину арестовывают – ей грозит смертная казнь. Царь-Петр, гуляющий с новым другом Даниловичем, не узнает девушку и отказывается ей помочь – от обрушившихся на нее несчастий та лишается рассудка. Когда подтверждается, что это именно Катерина, Петр пытается вернуть ей разум, воссоздав перед девушкой счастливую атмосферу минувших дней. Он начинает музицировать на флейте, – и к Катерине возвращается память. В конце концов, Петр женится на ней, и счастливую Катерину коронуют как русскую императрицу...

Если в Европе и даже Северной Америке «Северная звезда» имела успех, то, поставленная в Санкт-Петербурге Императорской итальянской труппой в январе 1856 г. на сцене Большого (Каменного) театра, она продержалась всего шесть представлений. Бывший в те месяцы в Петербурге Тургенев несомненно присутствовал на премьере, в которой выступили оперные звезды: бас Луиджи Лаблаш (Петр), сопрано Анджолина Бозио (Катерина), лирический тенор Энрико Кальцолари (Данилович).

Короче говоря, узнав, что вечером 10 марта 1857 г. в Дижоне представляется «Северная звезда» Мейербера, заинтригованный Тургенев, конечно же, не мог пропустить представление. Охотно согласился составить ему кампанию и Толстой, чей оперный опыт пока составляли услышанные незадолго до этого в Париже «Севильский цирюльник» Россини и «Риголетто» Верди [\[1, с. 173\]](#).

Увы, впечатление от «Северной звезды по-бургундски» превысило самые худшие опасения меломана Тургенева. «Но зато театр здесь и даваемая на оном "Étoile du Nord" – чудо!, – писал он в тот же вечер Анненкову. – Посмотрели бы Вы на Русских солдат с киверами, вроде мучных совков, на казаков, на мужиков – и как это всё поет! Такая каша выходит, что вообразить нельзя. Точно всякий сброд, прохожие прегадкие люди. Вам в мозг с...т. Никак потом проветриться нельзя» [\[7, с. 100\]](#).

Несколько спокойнее отнесся к услышанному и увиденному Толстой. В своем дневнике он кратко отметил: «"Étoile du Nord". *Sakinkers*», употребив придуманное им на пару с Тургеневым ругательно-презрительное сложносоставное (русско-англо-французское) слово, буквально означающее: «гадящие-в-сердце».

Парадоксально, но разочарование и ярость от увиденного и услышанного в оперном театре Дижона конвертировались поздним вечером в бурное творчество. Для Толстого, писавшего повесть «Пропавший» о гениальном музыканте, способном своей игрой преобразовывать жизнь, это, должно быть, стало открытием: оказалось, что стимулом для творчества может стать не только восхищение, но и горькое разочарование музыкой. Так сказать, – от противного!

Как бы там ни было, но в ночь с 10 на 11 марта 1857 г. Толстому показалось, что сам он окончил в Дижоне вещь неординарную. Судя по записям в дневнике, 11 и 12 марта он лишь переписал «Пропавшего» набело, а в последний дижонский вечер, 13 марта, рискнул прочесть повесть Тургеневу.

Велико же было его разочарование! «Прочел ему "Пропавшего". Он остался холоден. Чуть ссорились. Целый день ничего не делал» [\[4, с. 182\]](#).

На самом деле, Тургенев, хотя и не показал вида, не остался равнодушным к сочинению приятеля. 16 марта он уже из Парижа конфиденциально писал Анненкову: «Толстой в Дижоне окончил вещь, которую он читал мне. Ее надо будет несколько переделать и обчистить – и тогда выйдет отличнейшая штука – Вы увидите» [\[7, с. 110\]](#).

Оконченный самим Тургеневым той же ночью с 10 на 11 марта 1857 г. и отосланный им в Россию рассказ «День второй» (из цикла «поездки в Полесье»), – вещь, крайне необычная для нашей литературы. По сути,

именно там впервые появляется (более чем за полвека до русской катастрофы!) не вполне пока отчетливый, образ «грядущего русского хама» – в лице некоего «вора Ефрема» – человека, с одной стороны, предельно десоциализированного, а, с другой, – потенциального лидера русской жизни, лишь поджидающего до поры «своего часа» [5, с. 140–148].

Сам автор, Тургенев, по-видимому, чувствовал неловкость и – одновременно – тревогу при описании этого «Ефрема»: «Небольшого роста мужик в черном коротком армяке, подпоясанном веревкой, быстро вскинул на меня свои прищуренные глазки и тотчас опустил их снова. Такого странного лица я давно не видывал... Его голубые глазки так и бегали, как живчики. Стоял он развязно, легонько подпершись руками в бока и не ломая шапки» [5, с. 140–141]. Привычные для «охотничьих записок» Тургенева сельские «типы» – возница Кондрат и охотник Егор – явно пасуют перед развязным, наглым, хоронящимся в лесу вором, живущим по принципу: «Гуляй, пока хвост цел!; оробел – пропал, смел – съел» и т.п. Предельно тревожно звучат у Тургенева слова смиренного и простоватого Егора о том, что, казалось бы, очевидный «аутсайдер», Ефрем забирает все больше власти в умах кротких односельчан: «Да, мудреный этот Ефрем. Пока дома – любезный человек, всех потчует: пей, ешь, сколько хочешь, пляска тут у него поднимется, балагурство всякое; а что коли на сходке... уж лучше его никто не рассудит; подойдет сзади, послушает, скажет слово, как отрубит, и прочь; да уж и слово-то веское. А как вот уйдет в лес, ну, так беда! Жди разорения... Коли встретит кого святовского – "Обходи, брат, мимо, – кричит издали, – на меня лесной дух нашел: убью!" Беда!» [5, с. 143].

Реальная «беда» от таких, как Ефрем, придет на Русь лишь спустя несколько десятилетий, но гениальный художник Тургенев не мог умолчать о своем провидении будущего уже в начале 1857-го года. Он несколько раз пытался уничтожить написанное (уж не поклеп ли возводит он на «Святую Русь?»), но все-таки отправил рассказ для печатания в Россию. Его тревожная растерянность перед собственным произведением, укрывающаяся за нарочитым пренебрежением написанным, явно следует из дижонского письма к Анненкову. «Что же касается до меня, – писал Тургенев, пересылая приятелю "День второй", – то из прилагаемого несомненного, хотя не размазанного г<-- --> Вы можете усмотреть, в каком плачевном состоянии находится моя творческая фантазия. С невероятным трудом выдавил я, давно затасканный лимон, эти последние капли из себя. Сделайте с этим "Вторым днем" что хотите. Присовокупите его к первому и напечатайте или назначьте им мирную могилу на дне ватерклозета – это совершенно в Вашей воле; но, во всяком случае, передайте Дружинину, что если бы не желание исполнить свое слово и очистить его перед публикой – я бы ни за что не дал бы себе труда переписывать такую дребедень. О денежном вознаграждении, разумеется, и помину быть не может; если он поставит Вам бутылку трехрублевого Лафиту, требовать большего было бы неприлично» [7, с. 110].

Между тем А.Г. Дружинин, получив «День второй», оценил его весьма

высоко: «Повесть Вашу я получил, ее можно печатать смело, да и как могли Вы в том сомневаться? Форма "Записок охотника" при Вас навсегда, Вы в ней хозяин, и как бы неохотно Вы ни писали в этом роде, все-таки будет очень хорошо» [8, с. 209].

...Судя по всему, скоротечный «дижонский эпизод» весны 1857 г. стал прямым прологом для последовавших вскоре важнейших событий. Растревоженный мыслями о своем кумире Ж.-Ж. Руссо, Толстой менее чем через месяц не выдержал жизни в Париже и в апреле 1857 г. буквально бежал в Швейцарию, к берегам Женевского озера, в родные для Руссо места.

Маявшийся во Франции от творческого кризиса и новых болячек Тургенев, в свою очередь, предпринял поездки в Англию, потом в Германию и, наконец, в Рим, где его зимой 1857–1858 гг. посетило подлинное вдохновение. Закончив в «Вечном городе» «Асю» и начав «Дворянское гнездо», он и стал тем Тургеневым, которого мы все знаем и любим [2, с. 189–199].

Библиография

1. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 916 с.
2. Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Риме. М.: Издательство О. Морозовой, 2014. 496 с.
3. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Серия третья. Письма. Т. 60. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949.
4. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 тт. Т. 21. Дневники (1847–1894). М.: Художественная литература, 1985. 575 с.
5. Тургенев И.С. День второй // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 тт. Сочинения: в 12 тт. Т. 5. М.: Наука, 1980. С. 140–148.
6. Тургенев И.С. Несколько слов об опере Мейербера «Пророк» (Письмо к редактору) // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 тт. Т. 4. М.: Наука, 1980. С. 455–459.
7. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 тт. Письма в 18 тт. Т. 3. Письма (1855–1858). М.: Наука, 1987.
8. Тургенев и круг «Современника». М.: Accademia, 1930. 490 с.
9. Фатюшина Е.Ю. Повесть «Альберт» как художественный эксперимент Л.Н. Толстого: Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МПГУ, 2005. 249 с.

References (transliterated)

1. Gusev N.N. Lev Nikolaevich Tolstoi. Materialy k biografii s 1855 po 1869 god. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957. 916 s.
2. Kara-Murza A.A. Znamenitye russkie o Rime. M.: Izdatel'stvo O. Morozovoi, 2014. 496 s.
3. Tolstoi L.N. Polnoe sobranie sochinenii. Seriya tret'ya. Pis'ma. T. 60. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1949.
4. Tolstoi L.N. Sobranie sochinenii: v 22 tt. T. 21. Dnevniky (1847–1894). M.: Khudozhestvennaya literatura, 1985. 575 s.
5. Turgenev I.S. Den' vtoroi // Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 tt. Sochineniya: v 12 tt. T. 5. M.: Nauka, 1980. S. 140–148.
6. Turgenev I.S. Neskol'ko slov ob opere Meierbera «Prorok» (Pis'mo k redaktoru) //

- Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 tt. T. 4. M.: Nauka, 1980. S. 455–459.
7. Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 tt. Pis'ma v 18 tt. T. 3. Pis'ma (1855–1858). M.: Nauka, 1987.
 8. Turgenev i krug «Sovremennika». M.: Accademia, 1930. 490 s.
 9. Fatyushina E.Yu. Povest' «Al'bert» kak khudozhestvennyi eksperiment L.N. Tolstogo: Diss. ... kand. filol. nauk. M.: MPGU, 2005. 249 s